

В жизни общества, каждого человека есть события, к которым так хочется порой возвратиться, взглянуть в них пристальнее, понять, научиться на их порой горьком опыте. Но время немолимо. Никому не дано повернуть его вспять или хотя бы задержать на месте. И все-таки есть сила, способная воскресить прошлое. Это — искусство.

Прежде чем в 1954 году Гурминч Завкибеков ступит на сцену Таджикского Академического театра имени А. Лахути в качестве дипломированного актера, много воды утечет в Пяндже, на берегах которого он родился, над его головой прошумят года и события, немало разных испытаний подбросит ему жизнь. Он узнает, что избранная им профессия требует не только таланта, но и огромного труда, большого жизненного опыта.

Главные роли судьба на блюдечке с золотой каемочкой не преподнесла. До сих пор помнит Гурминч, как в «Короле Лире», когда участники массовки (он был среди них) убежали со сцены, замешкался, околдованный игрой народного артиста СССР М. Касимова, да так и остался нелепо стоять, глаза на короля. Но уже в маленькой эпизодической роли Каландара в спектакле «Дохунда» молодой актер подкупил зрителей искренностью переживаний своего героя. Поднимаясь по ступеням актерского мастерства, Завкибеков выходил на сцену в тех же спектаклях, но уже в главных ролях. Их десятки — в театре, кино, на телевидении и радио. Разные эпохи, страны, народы. Невероятная пестрота темпераментов и характеров. Но неизменны задачи, которые ставит перед собой актер: служение истине, правде.

Как всякий вдумчивый актер, Завкибеков в работе над ролью идет от жизни, опираясь на опыт, на наблюдения. Но вот ему предстоит воплотить на сцене образ человека из далекого или не столь далекого прошлого, свидетелем которого он не был. И сразу встает вопрос: а как это было?

ЛЕГКИХ РОЛЕЙ для настоящего актера не бывает. Но об одних героях он знает больше, о других меньше. Проще было играть бедняков — Садали в пьесе «Ураган», Гафура («Бай и батрак»), других таких же обездоленных — он знал изнурительный дехканский труд, ему нетрудно было представить устало бредущего за сохой пахаря, полуголодных кишлачных

громким волевым голосом. Кем был в те годы любой красноармеец? Он нес угнетенным дехканам свободу. Но не только. Красная Армия несла идеи великого Ленина, веру в светлое будущее и дружбу народов, была проводником новой культуры. Не на словах, а на деле она помогала налаживать новую жизнь. Первой газетой в Гиссарской долине

Без слова поэта — истории нет.
Без слова поэта — грядущего нет.
Без нас не полна современность.
Михаил ЛЬВОВ.

Октябрь
в моей судьбе

КАК ЭТО БЫЛО?

мальчишек: сам рос в бедности, без родителей. Но это было уже советское время, и ему не дали пропасть. Маленький Гурминч учился в школе. Жизнь послала ему и таких учителей, как старый сосед Рахмат, научивший мальчика играть на музыкальных инструментах, петь. Как директор рушанской школы Киматшо Наврушев, который обучал детей не только грамоте, но и воспитывал в них чувство прекрасного. Как русский педагог В. Смирнов, взявший Гурминча в детский ансамбль, с которым юный артист в 1941 году попал в Москву на декаду таджикского искусства. Это и Г. Гуломалиев, впоследствии народный артист СССР, создавший государственный ансамбль. Между двумя ансамблями Завкибеков успел три года поработать в колхозе. Потом, будучи воспитанником детдома, учился в студии при Хоргоском облмуздрамтеатре и одновременно играл в оркестре театра. Когда закончилась война, Гурминчу было 16 лет. В наше время в такие годы мало кто думает о работе, а он уже имел солидную трудовую биографию, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.» Добрые люди встречались на пути Завкибекова. Это они послали юношу в Душанбинское музыкальное училище, а затем в Ташкентский театральный институт. Да, на хороших людей ему везло, он помнит их, эта память помогает в работе.

Завкибекову много приходилось работать над образами командиров Красной Армии в пьесах из времен гражданской войны. Знал, каким огромным авторитетом пользовались бойцы и командиры у местного населения. Понимал: чтобы зритель увидел в нем самоотверженного посланца российского пролетариата, мало было выйти на сцену в щегольской военной форме, отдавать команды

была газета Душанбинского гарнизона «По басмачу», она призывала население на борьбу с басмачеством, освещала экономические и политические преобразования в республике. Завкибеков встречался с «таджикским первопечатником» Г. Нурмухаммедовым, который в декабре 1924 года привез с помощью красноармейцев оборудование для простенькой типографии и в глинобитной землянке при свете керосиновой лампы набрал и отпечатал первый номер газеты «Овози Шарк» («Голос Востока»). Но читать-то ее почти никто не мог: грамотные люди в старой Бухаре, по выражению С. Айни, были так же редки, как деревья в пустыне. Старые издательские работники К. Дейлями, М. Нурмухаммедов, Х. Негматуллаев рассказывали Завкибекову, как первые газеты и брошюры читали красноармейцы — в чайханах, на базарах. Вокруг сразу же собирались толпы людей, жаждущих узнать новую правду, которую несла Советская власть. Части Красной Армии привозили с собой библиотеки, политработники вели большую разъяснительную работу в дехканских массах. Многие бедняки вступали в Красную Армию, из них потом вышли военные, государственные деятели. Когда выдавались передышки между боями, бойцы строили дороги, мосты, школы, больницы. Так было и в годы Великой Отечественной войны: расквартированные в Душанбе военные училища помогали убирать хлопок, ремонтировали сельхозтехнику, строили дома.

Все это помнил и учитывал артист Завкибеков, когда выходил на сцену в ролях командиров Красной Армии времен революции и гражданской войны — матрос Рыбаков («Кремлевские куранты»), Хайдаркул («Опаленные сердца»), Колесников («Дохунда»), Морозов («Гарнизон не сдастся»); ко-

мандиров грозных лет Великой Отечественной — генерал Михайлов («Мост» по Фатеху Ниязи). Довелось играть и басмача Садали в пьесе «Туфон», предателя роженицу одноглазого Мишку в «Любови Яровой».

М. В. ФРУНЗЕ В ПЬЕСЕ Гани Абдулло «Пламя свободы» — одна из любимых ролей, которую Завкибекову без колебаний доверил режиссер Ф. Александрин. Как человек — каким был Фрунзе? Завкибекову повезло: он встретился с людьми, близко знавшими этого крупного полководца и государственного деятеля, и сразу живо представил себе крепкую, статную фигуру, твердую походку, речь, спокойную даже в самых сложных ситуациях. Вот так спокойно, уверенно он и пошел в спектакле на встречу с Мадаминбеком, которого блестяще играл М. Касимов. Теперь артист Завкибеков знает, как он будет говорить с врагами, а как — с друзьями. Большой удачей была эта работа. В таких, особенно близких ему, ролях Завкибеков поднимался до значительных высот.

ЭТАПНОЕ ДЛЯ АКТЕРА стала роль инженера Уртабаева в кинофильме «Человек меняет кожу». Эпопея строительства Вахшской оросительной системы была еще свежа в памяти людей, нельзя было допустить ни малейшей неточности в изображении ее героев. До боли в висках пытался он представить себя участником тех событий: как все это было? За мучил расспросами земляка поэта Миршакара, который работал там с Алексеем Сурковым и Платоном Воронько. Не раз перечитывал роман Бруно Ясенского, нашел воспоминания

Алексеевского, который впоследствии стал заместителем министра сельского хозяйства СССР. Картина стала проясняться. В невыносимо трудных условиях работали люди. А тут еще налетели банды Ибрагимбека. Но уже ничто не могло остановить строителей, они упорно шли вперед. Цветущим оазисом, жемчужиной Таджикистана стала Вахшская долина.

Где же искать прототип своего героя? Да вот хотя бы С. Мирошниченко, с которым он раскланивается на улице — работал на Вахшстрое инженером. Или знаменитый строитель Карамов, тот самый, который еще раньше, в 1929-м, привел в Душанбе первый поезд по дороге, им же построенной. Инженер Петров — потом он работал на строительстве Вахшских ГЭС, ставших ступенями к гиганту энергетики — Нурекской ГЭС. Петров, смеясь, рассказывал, как в Душанбе, когда появились на столбах первые лампочки, старики по вечерам собирались смотреть — кто же их зажигает.

В работе над ролью Уртабаева, над другими подобными ролями помогали и впечатления далекого детства. Ансамбль, в котором Гурминч играл, ездил с концертами по трассе строящегося большого Памирского тракта. Это были волнующие встречи, строители горячо принимали юных артистов.

ПОНЯТНОЕ ВОЛНЕНИЕ и радость актеру доставляла работа над пьесами о далеком прошлом таджикского народа: легендарный Рустам (как Завкибеков вписался в этот образ со своей атлетической статью! Он даже возобновил тогда тренировки в секции народной борьбы, и прекрасный дуэт получился у них с Хашимом Гадоевым, с блеском сыгравшим Сухраба), мятежный предводитель восставших дехкан Акбар в спектакле «Рудаки», Гарсеваз («Сказание о Сиявуше») и другие. «Творец дал мне разум и силы не для того, чтобы сеять смерть», — заявляет богатырь Рустам. И актер несет в народ эти идеи, призывая людей к миру и добру, укрепляя в них уважение к собственной истории. Его Рустам стал украшением сцены на долгие годы, театр поехал с ним на гастроли в Афганистан, с большим успехом спектакль был показан в Москве.

...АКТЕР ЗАВКИБЕКОВ не был (да и не мог быть) участником и очевидцем многих событий из жизни народа, но должен рассказывать о них так, чтобы ему

поверили, — ведь благодаря его искусству и искусству его товарищей зрители как бы сами проживают жизнь героев пьесы. И он снова и снова задавал себе вопрос: а как это было? Непросто. Вместе со светлым и радостным — несправедливое и горькое, неисчислимы человеческие и нравственные потери. На сцене этого не было, пьесы с протестом против несправедливости оказывались на долгие годы под сукном. Уже на памяти Завкибекова время, когда, продолжая толковать о системе Станиславского, герои рисовали либо одной черной, либо белой краской. Потом пришло отрешение. Вот его Потапов в пьесе Гельмана «Заседание парткома» — передовой рабочий, смело пошел на ломку старых догм, устоявшихся привычек.

— Это было веление времени, — говорит постановщик спектакля Х. Майбаиев, — но не все Потапова поняли, поддержали. А как быть артисту? Работая над ролью, мы с Завкибековым внимательно читывали в партийные документы, я посоветовал ему почаще бывать в трудовых коллективах, присматриваться к рабочим.

Актер глубоко задумался над грядущими переменами с их революционным характером. В спектакле «Я — Фахреддинов» Камол — парторг колхоза — вступает в схватку с председателем, уличенным в приписках. Но еще более трудную победу он одерживает над собой: дочь-то председателя — его невеста.

Гурминч Завкибеков сыграл немало ролей своих современников и на сцене, и в кино. Его герои — вот они, сидят в зале, а уж они не потерпят малейшей фальши в изображении современной жизни. Но мы намеренно обходим роли современников, это тема другого разговора.

Про кого-то сказано: его путь был усыпан розами. Нет, это не про Гурминча Завкибекова. Но другого он бы не выбрал. Он шел по жизни вместе со своим народом, частицей которого всегда считал себя, поставив свое искусство ему на службу. За что его и назвали народным артистом республики.

В. БОКОВ,
наш нешт. корр.

На снимке: кадр из фильма «Человек меняет кожу».